

Байка Дровомана-3

Уважаемая редакция!

Два года подряд к первому апреля «ММ» печатала мои рассказы из цикла «Байки Дровомана». Не хотелось бы нарушать традицию и в этом году. С уважением

А. Шарапов.

СИДЯЩИЕ ВОКРУГ КОСТРА с завороченным вниманием следили, как кипит котел на костре. Запахи приготавливаемого супа, звуки кипящего бульона, шипение углей, на которые выплескивались струйки из переполненной посуды, навевали беззаботное философское настроение. В преддверии предстоящей трапезы разговор среди присутствующих незаметно перешел на гастрономическую тему. Наш профессиональный рассказчик по прозвищу Дровоман принимал в разговоре посильное участие, не проявляя большого к нему интереса. Тема не предполагала в разговоре ничего существенного. Время остановилось. Скучно в лесу не бывает, но коротать время до приготовления обеда всегда интересней под невероятную историю признанного рассказчика. Такой человек сидел рядом, безынициативно уступив свои полномочия другим. Это настораживало окружающих.

— Слушай, Дровоман, ты ел когда-нибудь змею? — неожиданно спросил один из присутствующих, чтобы прекратить затянувшуюся паузу.

— Ел. И змею, и сурка, даже грачей.

— Ну и как?

— Мясо — оно и есть мясо.

— Ты, как хохол, сало — оно и есть сало, чего о нем говорить.

— Правильно, мясо как мясо. Вот грач — он специфичен, мясо красное, сладкое. А змея — это обычный вкус. Надо просто правильно его готовить. Вообще, я и не такое ел.

— А что? — заинтересованно спросил оживившийся слушатель. — Что-то китайское, да?

— Как у тебя все тривиально просто, скучный ты, как рубль, без фантазии. Китайское, японское, австралийское. Разве этим сегодня кого-нибудь удивишь? Я ел такое, что вряд ли кто-нибудь даже представить себе может. Но об этом долго рассказывать.

— Слушай, а мы вроде не собираемся никуда. До завтрашнего утра мы совершенно свободны.

— Моя история, как и приготовление пищи, не терпит суеты. А вы вон голодными глазами кипящий супчик уже съесть готовы.

— Суеты нет в наших сердцах, мы готовы доверять и слушать тебя без спешки, наш деревенский друг, — не унимал свой сарказм настойчивый лесной житель. — Я все сказал. Я умолкаю.

— Ну, раз нет спешки, мой нетерпеливый друг, тогда давай закурим трубку мира, вытащим груши из ушей и будем слушать, не перебивая. Для вживания в образ посмотрите на мой свитер.

— Ну, свитер как свитер. Грязного цвета, грубой работы, — произнес подстрекатель рассказчика.

— Скажи, ты всегда такой прямой, как корабельная сосна, или можешь гнуться, как рябина, — с обидой произнес Дровоман.

— Да, я просто не вижу в твоей одежде ничего необычного. А свитер, наверное, из верблюда, — не унимался спорщик.

— Сам ты сын верблюда! В этом свитере вся суть рассказа. События происходили довольно давно, в одном из уголков Восточной Сибири. Я тогда после армии в поисках романтики завербовался на сезон в геологическую партию. Закинули нас ранней весной на точку, в самую глушь непроходимой тайги. Места такие, что словами трудно описать. Это надо видеть и чувствовать.

— Просто у тебя словарный запас небогатый, — не унимался «заведенный» оппонент.

— Дитя ты неразумное, да еще хамское. И мозги твои от народов древних и вымерших от невежества. Богат русский язык, а природа наша еще богаче. Не перебивай. Расположились мы лагерем, привели место пребывания в более-менее цивилизованный вид. Как говорится, стали жить поживать. Днем — работа не в тягость, вечером — посиделки у костра, песни, рассказы ну и, чего скрывать, спирт для поддержания морального духа коллектива. Надо сказать, что природа, конечно, неопишечная, но и она постепенно начинает, что называется, приедаться. Хочется простых элементарных вещей, цивилизации. Спасали только юмор и шутки. Шутили друг над другом ча-

сто, но безбидно. Такова специфика замкнутого автономного коллектива.

Где-то недели через три после приезда стали замечать, что из палатки со съестными запасами стали потихоньку исчезать продукты. Начальник наш очень этим вопросом озадачился. Мы, вроде, не голодали, да и воровство — это был самый большой грех в нашей тогдашней жизни. Мы бы поняли, если бы пропал спирт, но он был под надежной охраной в буквальном смысле слова: наш завхоз просто спал на «драгоценном продукте». В конце концов договорились дежурить по ночам у палатки с продуктами. Результата это не дало. По заверениям завхоза, продукты все равно время от времени таинственным образом исчезали. Обвинять нашего снабженца не имело смысла, так как он сам поднял этот шум.

Заговорили о мистике, о таинственных существах, обитающих в этих глухих местах. Среди нас было два человека из местных жителей. Они то и поведали в один из вечеров, что с давних пор среди местных жителей ходят разные истории о встрече с так называемым снежным человеком. Местные его называют Еть. Историй очень много. Они передаются из поколения в поколение. Были и современные свидетельства встреч с недочеловеком, как коренные жители о них говорили. Один из случаев я хорошо запомнил. Однажды Еть утащил одну из местных деревенских женщин в тайгу. Ее долго искали, но

Где-то недели через три после приезда стали замечать, что из палатки со съестными запасами стали потихоньку исчезать продукты

безрезультатно. Каково же было удивление всех, когда через год пропавшая вернулась из леса «на сносях», за несколько дней до родов. Ничего не стала рассказывать она своим землякам, а только после рождения дочки исчезла из деревни уже навсегда. Этот рассказ после изрядной дозы спирта сильно потряс тогда всех. Началось бурное обсуждение о том, кто эти существа. Одни спорили, что это они из параллельного мира, другие, что это люди, которые прошли эволюцию обособленно от остального мира и потому у них иной путь развития.

Спирт — напиток, который каждый раз разводил по-разному, потому он коварен, непредсказуем. Одному из сидящих у костра стало уже «хватить». Он молча ушел спать. Мы еще продолжали обсуждение этой глобальной проблемы. Под завершение банкета остановились на том, что продукты пропадают именно по вине этих «етей». Решили мы так, и сразу спала напряженность внутри коллектива, пошли шумные песни и шутки. Наши веселые посиделки разбудили товарища, ранее нас покинувшего. Он наполовину вылез из палатки с признаками глубокого сна.

— Мужики, — изрек он. — Это вы! Как я рад! А мне пришлось, что огромный мохнатый человек пытался меня унести в тайгу. Будто я во сне вытащил нож. Он выхватил его у меня. Хорошо, что рядом оказался топор. Хотя откуда он мог взяться в палатке? Короче, он убежал, но прихватил мою обувь и ветровку. Представляете! Приснится же такое! Все, спирт надо разбавлять по-другому.

— Может, просто бросить пить? — подшутили мы над ним.

— Нет, надо разбавлять правильно.

С этими словами он свалился в палатку, так до конца и не проснувшись. Тут у нас родилась очередная хохма. Мы потихоньку вытащили из его палатки нож, сапоги и ветровку, подкинули большой топор и пошли спать.

Утро было выходным, вставали все нехотя и долго. Тишину пробуждения прервал отчаянный крик героя нашей ночной шутки. Он с безумными глазами бегал по лагерю, приговаривая, что пить надо бросать, что нас атакуют дикие племена из леса, что нужна оборона, что находится здесь небезопасно. Успокаивали его недолго: дали правильно разведенный спирт и вернули вещи. Он посмеялся вместе с нами, но все равно в душе затаился. Это предопределило дальнейшие события.

— А что, есть продолжение этой истории? — спросил один из сидящих у сваренного уже котла с супом.

— Да, мои голодные друзья, я буду краток, как наш президент.

Продукты продолжали исчезать из наших закромов. А наши закрома намного меньше, чем закрома Родины. Помог случай. Наш напуганный сном товарищ стал следить за палаткой не только ночью, но и днем. Однажды он выловил-таки «снежного человека». Им оказался местный житель, скрывающийся от правосудия в таежной глуши. Ворюга проследил, когда достают продукты для приготовления пищи из палатки. Когда все открыто и нет большой бдительности у поваров, проникал на одну-две минуты, брал консервы и растворялся в глуши леса. Никто не думал, что среди бела дня при довольно большом скоплении людей можно что-то выкрасть. На это и был расчет.

Вот так. Сдали мы его местным властям, а наш поверивший в «етей» товарищ с тех пор успокоился, на спирт больше не жаловался. Вот такая история. Ну что, давайте обедать?

— Подожди, а при чем тут твой свитер? Ты его к какому боку хотел присобачить в своей истории? — спросил один из внимательных слушателей.

— А, свитер! Так он из шерсти мамонта. Там, где мы жили в тайге, часто находили останки древних животных. Иногда хорошо сохранившихся. Из шерсти мамонтов у многих были свитера, варежки, носки.

— Ну, не можешь без вранья, — усомнился все тот же слушатель. — А про то, что ты ел что-то невероятное? Будет какая-то причинно-следственная связь?

— Я думаю, и так ясно. Если мой свитер из мамонта, то и пробовал я мясо мамонта, но уже находясь на Крайнем Севере, когда обнаружили мамонтенка в вечной мерзлоте. Согласитесь, что мало кто похвастается таким меню сегодня. Но это уже совсем другая история. Давайте обедать, наконец.

Прошла долгая пауза. Но, если вспомнить, разве предыдущие истории были более правдоподобны? Чтобы услышать в дальнейшем интересные моменты из жизни Дровомана, мы не стали расставлять все по полочкам в его рассказе, а просто с аппетитом принялись за поглощение сваренного лесного супа, в подсознании соображая, как все-таки правильно нужно разводить спирт.

Александр ШАРАПОВ,
работник цеха подготовки аглошихты
ГОП ОАО «ММК».

Фужер или пластик?
КУРИЛКА

Тут на днях мужики обсуждали положение вещей в нашем суетном мире. Дело было в курилке, а здесь, как известно, рождаются самые светлые мысли. Вроде — попить пивка после работы. И самые искренние комментарии — вроде «все бабы умницы».

Так вот, Василий Степаныч, мужчина в крайней степени положительный — он даже пьет исключительно из фужеров, а если фужера под рукой не оказывается, то обязательно делает вид, что пьет из фужера, — так вот, Василий Степаныч глубококомысленно заявил, что ситуация в различных сферах весьма неудовосказуемая. Мы понимающе помычали, покачали головами, но все-таки попросили пояснить, какого рожна он имел в виду.

— А чего там пояснять, — сказал Василий Степаныч, — пластиковые стаканчики — это отравы, а их чуть ли не насильственно раздают широким рабочим массам! Значит, как минимум три сферы общественной жизни дают сбой: здравоохранение, продовольственно-водочная промышленность и семейная жизнь.

А Леся Шкобариков, вообще личностью недопонимающая, возьми и спроси:

— А что, продовольствие и водку уже объединили в единый блок?

— Здравствуйтесь! — басом пропел Василий Степаныч. — Да кто ж их разъединял-то? Водка и продовольствие — это ж одно и то же!

А Леся продолжил свою исследовательскую деятельность:

— А что такого здравоохранительного в стаканчиках?

— Здравствуйтесь! — опять пропел Василий Степаныч. Он вообще много здоровается и поет. — Как что?! Водка! И пластик! Вместе и получается охрана здоровья, а в данном случае — ее развояная противоположность, то есть вред.

— Так водку же можно и не пить, — не уговорился Леся.

У Василия Степаныча аж дыхание перехватило:

— Как так не пить?! А что тогда пить? Уж не воду ли из-под крана прикажете? Или от жажды погибать, как верблюд?

— Верблюды, наоборот, от жажды не погибают, а изнывают, но эффективно борются, — сказал Леся. — А если некоторым верблюдам надо пить, то пусть пьют не из пластика, а из фужеров, как ты.

— И я про то же лаю: дурят народ, не снабжают фужерами! И вообще, ты кого верблюдом называл?!

Тут нам пришлось немножко вмешаться, чтобы познавательная полемика не переросла в грязные технологии и черный пиар по всей морде. Мы их развели по разным углам, но Леся, и зажатый в угол, продолжал ехидничать:

— А семейная-то жизнь здесь при чем? У тебя ж всей семейной жизни — тараканы да пузыри!

— А ты в мою семейную жизнь свои руки не вмешивай! Она, может, и разрушилась от пластиковых стаканчиков! Как начали их всучать на каждом шагу, так и не нашлось у меня противоядия! — Тут Василий Степаныч поостыл и уже почти спокойно объяснил нам: — Пришлось сдаться на милость распоясавшейся рыночной экономике. А семья не смогла привыкнуть к новым реалиям. Пока я из фужеров да по праздникам пил, еще терпели. А как поставили соблазнов на каждом углу, так никаких фужеров не напечешься. Куда ни заглянешь на декусацию — везде пластик. Пришлось переходить на презренный продукт синтеза. Тут я и лишился поддержки своей ячеей общества. Вот я и говорю: общество наше нездорово, сбой дает.

Геннадий АМИНОВ.